

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА

З.К. Тарланов

*Северный институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Российская Федерация, 185005, Республика Карелия, г. Петрозаводск,
ул. Онежской флотилии, 51*

Аннотация. В статье на материале русского языкознания доказывается тезис об этноментальной обусловленности исследовательской деятельности по разным её составляющим: характеру, качеству, объёму фактического материала, подбору методов и путей исследования, по соблюдению принципа системности и историко-культурной локализации наблюдений и обобщений. Признаки научной этноментальности выявляются и рассматриваются на примере исследований ряда выдающихся деятелей русской науки.

Ключевые слова: менталитет, русский этноменталитет, русская филология, языкознание, счастье.

Конец советского периода в истории нашей страны совпал, в частности, с поразительной экспансией в русском языке слова *менталитет* с его производными в очень широком терминологическом применении. Этот факт делает необходимым обращение хотя бы в предварительном порядке к процессу его внедрения в отечественную речевую и исследовательскую культуру конца XX – начала XXI столетия, а также к его содержательной нагрузке, как бы востребованной временем.

Прежде всего заметим, что слово *менталитет* и его производные не зафиксированы ни в одном из толковых словарей в истории русского национального литературного языка, ни в двуязычных русско-иностранных словарях, включая даже авторитетный краткий латинско-русский словарь 1941 г., вобравший в себя 15 000 слов [1]. Исключение составляют французско-русские и итальянско-русские словари. Так, в кратком русско-французском и французско-русском словаре, третьим изданием вышедшем из печати в 1955 г. объёмом в 11 000 слов по каждому языку, во французской его части приводится и слово *mental*, значение которого раскрывается прилагательными-синонимами «мысленный, умственный» [2. С. 429]. В итальянско-русском словаре 1965 г. даётся слово-субстантив *mentalità*, которое поясняется словосочетаниями «склад ума, образ мыслей» [3. С. 230]. По свидетельству «Толкового словаря русского языка конца XX века», слово «менталитет» в русском языке – это заимствование из французского языка (*mentalité*), восходящее в свою очередь к латинскому *mentalis* «умственный, духовный»

[4. С. 382]. В том же словаре даются и другие однокоренные с ним слова *ментально* (наречие к *ментальный*), *ментальность* (существительное к *ментальный*: менталитет), *ментальный* (относящийся к сознанию, мышлению) [Там же. С. 383]. Значения слова *менталитет* раскрываются следующим образом: «1. Совокупность мировоззренческих (идеологических, религиозных, эстетических, психологических, этических и т.п.) представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом».

Значение иллюстрируется примерами не из классических художественных и общественно-политических или философских произведений, как это принято в русской классической лексикографии, а из газеты «Московские новости». При этом как-то неожиданно и без объяснений в качестве «носителя протестантской трудовой этики» приводится «Робинзон Крузо – герой Даниэля Дефо», который противопоставляется Остапу Бендеру как воплощению «советских представлений о предпринимателе». 2. Второе значение слова определяется как то, что говорится «о складе ума, характере мышления». Опять-таки пример из постсоветской журналистики, но относится к «менталитету наших экономистов»: «Ничего нигде нельзя, но если хорошо попросить или иметь хорошие отношения с начальством, то можно всё» (Эхо планеты).

Из примеров-иллюстраций с очевидностью следует, что слово «менталитет» по его смыслу и журналистской сфере употребления изначально предназначалось для характеристики со знаком минус именно советского человека и его непохожести на не советских людей. О том же свидетельствуют и не лишённые тенденциозности иллюстрации к толкованиям его значений. Тем самым в журналистском материале вне всякой связи и без всякой логики «трудовая этика» на примере Робинзона Крузо почему-то противопоставляется советским представлениям о предпринимательстве на примере Остапа Бендера, хотя это совершенно разные темы и разные сферы деятельности по своей сути и целевым установкам.

Поскольку непохожесть советского человека в журналистском восприятии была универсальной, то и слово «менталитет», обозначающее эту непохожесть, вошло в язык с чрезвычайно широким и неопределённым значением, хотя главным в его функциональном назначении для потребителей термина было прежде всего намерение подчеркнуть якобы имевшую место *заикленность, навязанную узость* жизненных представлений советского человека.

Тем не менее термин получил быстрое признание в постсоветской публицистике. Парадокс его триумфального утверждения в разного рода научных и околонучных дискурсах состоял в том, что он с приведённым шлейфом неопределённых значений занял своё отдельное, до того не существовавшее место в отечественной гуманитарной терминологической системе.

О менталитете стали говорить и писать почти все, не уточняя при этом его смысла. Вопреки всем законам терминообразования слово с изначально узкоограниченным значением «мысленный, умственный» в языках-источниках в заимствующем языке кратно расширило свое семантическое поле, которое стало охватывать и мысль, и вообще умственную деятельность,

и идеологию, и психологию, и религию, и эстетику, и этику, и традиции, связанные с определённым типом жизни.

Однако столь широкое понимание того, что называют менталитетом, едва ли приемлемо. Совершенно очевидно, например, что психология, не воплотившаяся в ценности культуры и отрешённая от традиций культуры, не может питать самобытность личности, социальной общности или этноса. Аналогично обстоит дело и с мировоззрением, которое может быть лишь одной из опор личностного или этнического менталитета.

Первейшим и наиболее полным выразителем менталитета как личности, так и этноса является язык. Об этом последовательно и убедительно писали В. Гумбольдт и его последователи в XIX–XX вв. Если обобщить используемые в русской речевой практике функциональные употребления слова «менталитет», то получится, что под *менталитетом* подразумевается самобытность восприятий и аксиологии конкретной личности и соответствующего народа. Способ восприятия внешнего мира, осмысление и оценка воспринимаемого и есть, по-видимому, то, что по сложившейся традиции называется менталитетом. Это результат направленного или стихийного воспитания и внушения, результат взаимодействия со средой, как с социальной, так и с природной. В этом смысле можно говорить о менталитете рабочего, крестьянина, студента, интеллигента, представителя того или иного этнического типа культуры и т.д.

Разноментальные люди не являются носителями несовместимых представлений. Это люди, которые смотрят на окружающий их мир с разных точек. Эти разные точки заданы их языком в узком и широком смыслах – в языковом потенциале личности и в этническом языке в его реализованном своеобразии. Возьмём в качестве примера русское слово «счастье», которое в литературном языке обозначает 1) «состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо», 2) «успех, удачу», а также 3) значение «хорошо, удачно» в роли сказуемого; оно же в русском просторечии, то есть в народном языке значит 4) «участь, доля, судьба» [5. С. 320]. У В.И. Даля со ссылкой на этимологию *со-часть* на первое место выдвигаются такие значения слова «счастье», как *доля, пай* [6. С. 371; 7. С. 816], которые далее ставятся в синонимический ряд лексем *рок, судьба, часть* и *участь, доля*. Собственно толкование слова в Словаре В.И. Даля сводится к двум значениям: 1) «случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина́ в деле, не по расчёту»; 2) «благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство» [Там же].

Таким образом, основным значением слова «счастье» в русском народном языке является состояние высшей удовлетворённости жизнью, благоденствие. Вместе с тем оно употребляется и во всех других приведённых выше значениях, более свойственных не столько литературному языку, сколько языку народному.

Для выражения того же значения «счастье», например, в дагестанских и ближневосточных языках используется слово общевосточного лексического

фонда «бахт», которое лишено главного его семантического множителя в русском языке – выражения «состояния высшей удовлетворённости жизнью, благоденствия». В этих языках основное из прослеживаемых его значений – это значение «везение, удача, счастье, успех, шанс, судьба», ср.: Агульское и лезгинское **Бахт** «везение, счастье». Араб., перс. **бахт**¹ «везение, успех, удача, счастье, шанс»; дари **бахт** «судьба, счастье». Тюрк. (азерб.) **бэхт**, **бэхти** «везение, удача, доля, счастье». Турецк. **багът** «удача, счастье».

Хотя некоторые синонимы русского слова «счастье» и дагестанско-ближневосточного слова «бахт» совпадают, сами опорные лексемы в указанных языках далеко не соотносительны семантически. В слове «бахт» преобладающим является значение «везение, удача», несколько не перекликающееся с «состоянием высшей удовлетворённости жизнью». Это значит, что у носителей соответствующих сопоставляемых языков не может быть идентичного понимания рассматриваемых слов-терминов, опирающегося на перевод, ибо они в этих языках не совпадают по их семантическим составляющим. Ср. также, например, английское **happy** «счастливый» – «чувствующий удовольствие или дающий его; удовлетворённый тем, что что-либо прошло хорошо или правильно, не причиняя беспокойства; желающий делать что-либо с удовольствием или доброжелательностью; везучий; (о выборе слов) подходящий к определённой традиции»². Этот факт лишний раз подтверждает распространённый в языкознании тезис о том, что каждый язык по-своему членит объективно данную внеязыковую действительность. Поэтому картины мира, представляемые разными языками, предстают далеко не совпадающими, и это нашло свое убедительное выражение, в частности, в известной теории лингвистической относительности.

Подобных примеров можно привести много. Укажем, в частности, на опыт «моделирования небольшого фрагмента русского мыслительного пространства» по концептам *честь* и *совесть*, предложенный профессором В.В. Колесовым [8. С. 17 и далее], и анализ русской речевой культуры 90-х гг. XX в. в контексте этнической культуры, проведённый профессором Л.В. Савельевой [9], в начальный период исследований по ментальности в отечественной науке.

Первая научная конференция по общей проблеме «Язык и этнический менталитет» у нас в стране была организована кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета и прошла в статусе международной 1–5 июня 1994 г. Время было очень трудное во многих отношениях. Поэтому из ста заявленных докладов реально прочитано было двадцать два, которые были изданы в качестве сборника научных докладов в следующем, 1995-м г. [10].

Возвращаясь к теме статьи, считаю необходимым отметить, что слова «определение ментальности затруднительно по причине слабой

¹ Приблизительное звучание слова «счастье» в соответствующих языках для удобства отечественного читателя передаётся кириллическими буквами.

² Выражаю свою искреннюю благодарность профессору Е.З. Тарланову за предложенный им английский пример и семантический комментарий к нему.

разработанности самой проблемы», которыми проф. В.В. Колесов начинал свой доклад первого июня 1994 г., сохраняют свой смысл и по настоящее время. Ментальностью, менталитетом занимаются многие, но само понятие всё ещё не имеет научно мотивированного определения. Предполагается, что и без определения все понимают, о чём идёт речь.

Если иметь в виду общесодержательный план, то для автора этих строк *менталитет* – это своеобразие, неповторимость, особенность восприятия и оценки в широком смысле слова. Разные восприятия и оценки одного и того же лежат в основе разных культур, как словесных, так и всяких иных. Разнообразие культур обеспечивается разнообразием восприятий и оценок, которые и сами могут быть мотивируемы многими факторами социальной организации и природной среды. Традиции и есть воплощение оценок, определение нужности и важности того, что воздвигается в виде культурной ценности. Это, полагаем, справедливо по отношению ко всем сферам жизни, включая и научно-исследовательскую.

Для нас привычно говорить о традициях науки и исследовательской деятельности. Это в принципе естественно. В науке действительно есть свои традиции, в том числе и те, которые не замыкаются национально-культурными границами. Наука сама по себе надэтнична, наднациональна по своей сути, по своим результатам и возможностям познать непознанное и быть используемой, но не лишена национально-культурной мотивированности, в особенности наука гуманитарная. Разные гуманитарные науки, однако, различны по степени своей гуманитарности. Степень же их гуманитарности зависит от того, насколько они слиты или не слиты с национальной культурой. Чем «космополитичнее» наука, тем она дальше не только от национальной, но и от всякой иной культуры, кроме «процедурной» культуры самой этой науки. Среди гуманитарных наук языкознание наименее гуманитарная по своим методам, исследовательским технологиям, по результатам, хотя и занимается изучением языка, который, безусловно, является важнейшей формой национальной культуры, а также орудием этой культуры. Языкознание располагает богатейшим арсеналом исследовательских методов и приёмов, позволяющих объективно и адекватно анализировать язык в его статике и динамике, на всех его уровнях от фонетики и фонологии до синтаксиса и стилистики (см. например: [11; 12]). В этом отношении с языкознанием не может сравниться ни одна из гуманитарных наук.

Языкознание при всей своей «космополитичности» по методам и результатам остаётся областью, неотделимой от этноменталитета исследователя и национальных исследовательских традиций. Это значит, что лингвистические исследования, выполненные в рамках разных культур, разных исследовательских задач и видений, существенно отличаются друг от друга, кроме всего прочего, также по их содержательной полноте и достаточности, по глубине и широте охвата фактического материала. Исследовательский менталитет вообще – это стихийно направляющий фактор в практике научных поисков и описаний. Неотъемлемыми его элементами являются, по крайней мере, две вещи: это, во-первых, язык с его внешней и внутренней

структурой в качестве исследовательского орудия и, во-вторых, традиция видения соответствующего объекта науки, в данном случае языка как объекта исследования, подтверждённая предыдущим опытом. В языкознании, таким образом, язык – это и орудие исследования, и объект исследовательского анализа и изучения. На заре европейского языкознания как науки эти два аспекта ещё не разделены: язык характеризуется по показаниям того же языка без каких-либо сопоставлений с другими языками. Таковы лингвистические подходы древних греков с их звукобуквенным символизмом в толковании значений слов единственно изучаемого ими родного языка.

Что касается европейского языкознания в период его расцвета, охватывающий время с середины – начала второй половины XIX в., то здесь при всём кажущемся его эмпиризме, например даже у влиятельнейших младограмматиков, на деле ведущим в исследовательской практике оказывается дедуктивный принцип. Это безусловно верно применительно к разным научным школам и направлениям Европы и Америки XIX–XX столетий.

На этом фоне совершенно иными выглядят исследовательские подходы и принципы русской науки о языке. Трудно найти, например, в мировой научной практике исследование, которое по своей разновременной и разноязыковой фактологической насыщенности и по соответствующим тонким и глубочайшим исторически локализованным научным наблюдениям и обобщениям было бы сопоставимо со знаменитым четырёхтомным трудом харьковского профессора XIX в. Александра Афанасьевича Потебни с поразительно скромным названием «Из записок по русской грамматике»³ [13].

Если в принципе существует прослеживаемый этнокультурный исследовательский менталитет, а сомневаться в этом едва ли есть основания, то труд Потебни – это ярчайшее воплощение эталона этого менталитета по всем параметрам в русском его проявлении. Будучи индоевропеистом, А.А. Потебня свободно оперирует обильными показаниями многих древних и современных индоевропейских языков, синхронизируя их во времени и располагая по рядам, позволяющим формулировать убедительные закономерности в развитии этих языков. Ряды фактов даются не отдельными примерами, как это часто бывает, а целыми массивами, которые как бы сами подводят под формулировку закономерности, проявляющейся в виде межъязыковой или внутриязыковой тенденции. При этом ряды фактов паспортизируются по принципу отнесённости их к языку литературному, диалектному, фольклорному, жаргонному, профессиональному и т.д. Тем самым языковые факты ставятся в контекст истории культуры, устанавливаются теснейшие и неразрывные связи между этническим языком и этнической культурой, совместно формирующими то, что называется этническим менталитетом. Для Потебни индивидуальное и социальное неразрывны в языке и в мысли, на этом строится, в частности, его теория ближайших и дальнейших лексических значений. В языке всё изначально индивидуально и образно. Процесс развития языка

³ 2-е испр. и доп. изд. томов I–II было опубликовано в Харькове в 1889 г., переиздано в Москве в 1958 г.; том III издан тоже в Харькове в 1899 г. и переиздан в Москве в 1968 г.; том IV впервые опубликован в Ленинграде в 1941 г.

состоит в трансформации индивидуального в коллективное и образного в безобразное. Эстетический компонент – одно из важнейших составляющих при становлении содержания языкового знака. Скрупулёзно прослеживая жизнь языковых форм и категорий, их истоки и судьбы, учёный взыскательно опирается не только на свой опыт, опыт отечественной науки, но и на лучшие достижения европейской лингвистической мысли своего времени. Это тоже элемент его менталитета как русского учёного.

По логике и содержанию самых разных исследований А.А. Потебни очевидно, что важнейшая задача науки – двигаться от фактов, от множества фактов к обобщению. Сами исследования А.А. Потебни, их проблематика, методы решения проблем, универсализм и демократизм при подборе исходного материала для анализа и изучения, широта и глубина научных результатов, ясная научная методология, прозрачность и убедительность завершающих научных выводов – таковы некоторые черты его научного творчества, характеризующие его как представителя именно классической русской лингвистической мысли и русской исследовательской ментальности. А.А. Потебня считается представителем психологического направления в языкознании, но психологизм несколько не отрывает его от языковой материи и не уводит в область схематизма, чуждого для русского языкознания.

Универсализм, сочетающийся с исключительным вниманием к языковым фактам, их научный анализ, проводимый на необходимом социокультурном фоне, историзм, не приемлющий произвола в оценке языковых форм, – это принципиально общая черта ментальности представителей русского языкознания при всём его реально представленном разнообразии и многоголосье. Одной из замечательных иллюстраций верности такого вывода служит общеизвестная формальная школа в русском языкознании рубежа XIX–XX вв., связанная с именем её создателя Филиппа Фёдоровича Фортунатова и его последователей – А.А. Шахматова, А.М. Пешковского и других, – формальная школа, созданная крупнейшим компаративистом-индоевропеистом конца XIX – начала XX в. Косалма (около 25 км севернее от Петрозаводска), где находилась дача академика Ф.Ф. Фортунатова, на которой он отдыхал каждый год, и где был похоронен (1914 г.), при жизни учёного была местом паломничества европейских учёных: он принимал многих европейских компаративистов на научные консультации по сравнительно-историческому изучению индоевропейских языков. Оставаясь убеждённым, плодовитым, авторитетнейшим исследователем сравнительно-исторической фонетики и морфологии индоевропейских языков, он предложил в корне новый подход к описанию морфологии языка на основе оригинальной теории формы слова.

Фортунатовская теория формы слова коренным образом отличается от позже сложившихся в Европе и Америке формальных теорий, включая и структуралистские, тем, что она служит не процедуре, не технике описания языка, а представляет собой объективный и надёжный инструмент для изучения самих фактов, единиц языка. Эта теория гениально проста. Формой слова Ф.Ф. Фортунатов назвал его делимость на неравноценные величины. Этих

величин две, он называет их «принадлежностями»: вещественной и формальной, соответственно основой и аффиксом. Одно определимо через другое: «аффикс в слове – это та часть, которая видоизменяет значение другой части в слове, называемой по отношению к аффиксу основой». Основа же – «та часть в слове», «значение которой видоизменяется аффиксом» [14. С. 72–73]. Всякое слово имеет форму, которая может быть и «отрицательной», то есть невыраженной, вернее – выраженной нулевым формантом. Системно сформулированное положение об отрицательной, нулевой форме – это ещё одно из блестящих открытий Ф.Ф. Фортунатова (О фортунатовской теории формы слова подробнее см.: [15]), демонстрирующих логическую последовательность, ориентированность на доказательность и широту исследовательских подходов русской научной ментальности.

Одна из примечательных и в высшей степени плодотворных сторон русской научной ментальности – это не кабинетность, не даже камерность, а масштабная открытость обществу, которая служит для открытия ему его культуры и её пропаганды. Поэтому академик Фортунатов закономерно рассматривал высшую и среднюю школы в России неразрывными частями единого целого, что требовало принципиального соблюдения научности в преподавании языка и средней школе. В своём знаменитом докладе «О преподавании грамматики в средней школе», прочитанном для учителей в 1903 г., эту задачу он также считал заботой науки. Фортунатов в этом отношении не был исключением.

Это одно из общих проявлений в действии той же культурно-национальной ментальности русской науки и научной деятельности. Вспомним в этой же связи другого русского академика – Фёдора Ивановича Буслаева, работа которого «О преподавании отечественного языка» 1844 г. сыграла подлинно революционную роль в развитии русской школы и определении в ней места русского языка. О том же свидетельствует и научная деятельность советского академика Льва Владимировича Щербы, кроме всего прочего, прекрасного методиста и автора школьных учебников по русскому языку; советского профессора Александра Матвеевича Пешковского, «Русский синтаксис в научном освещении» которого, написанный как учебник для старших гимназистов и напечатанный в первом издании в 1914 г., стал классическим трудом по русскому синтаксису, не говоря о его блестящих методических работах и работах по анализу поэтических текстов, адресованных учителям. Подобных примеров можно привести много, ибо это, повторимся, одна из глубинных сторон русской научной ментальности в целом начиная с академика Михаила Васильевича Ломоносова.

В плане связи между наукой и обществом, оценки ментальных качеств учёной деятельности в России весьма показательно и следующее свидетельство из мемуаров государственного и политического деятеля дореволюционной России Павла Николаевича Милюкова о времени его студенчества в Московском университете: «Профессор Иванов читал Марциала и смаковал описания римских вин, уподобляя их современным. Этого рода гастрономия нам совсем не понравилась, и самый профессор, казалось нам, смахивал

на какого-то приказного старых времён. Это было, конечно, несправедливо, но оно характеризовало смену наших настроений. Для меня это был холодный душ, который сразу отбил у меня интерес продолжать свою гимназическую линию увлечения классиками. Зато внимание моё обратилось к тому новому, с чем мы встретились на первом же курсе филологического факультета. Вместо «филологии» – старый термин Вольфа – здесь мы услышали о новой науке «лингвистике» и «сравнительном языковедении». Ей предшествовала репутация «самой точной из наук после математики». В это при тогдашнем увлечении точными науками хотелось верить; этим как бы оправдывалось самое наше вступление на филологический, а не на естественный факультет. Преподавал тогда сравнительное языковедение Филипп Фёдорович Фортунатов – знаменитость, привлекавшая учеников из-за границы. Я очень добросовестно записал за ним его курс литовской фонетики: литовский язык тогда был признан древнейшим из сохранившихся и перенял эту славу у санскрита. Вместе с этим последним он открывал древнейшую страницу культурной истории индоевропейской семьи народов. Сопоставление звуков речи и их перемен вводило в историю языка, то есть орудия, которым человек пользовался с тех пор, как стал человеком. История звуков, которую своим глухим голосом нам раскрывал Фортунатов, была, конечно, очень поучительна; но она утомляла, и слушатель спешил перейти к живым выводам: от Боппа к Гейгеру, а немного позднее – к Шрадеру» [16. С. 102–103].

Точность, основанная на фактах, на обилии фактов, – вот ещё одна черта русской исследовательской ментальности, о которой пишет П.Н. Милуков, вспоминая свои студенческие поиски будущей профессии.

Обратимся ещё к двум фактам: к тому же «Русскому синтаксису в научном освещении» А.М. Пешковского начиная с третьего издания (1928 г.) и «Синтаксису русского языка» академика Алексея Александровича Шахматова (первое издание по частям – 1925, 1927 гг., второе издание – Ленинград, 1941 г.). Это научные труды-шедевры, эталоны синтаксической классики, энциклопедии синтаксиса национального русского литературного языка. Сопоставимых и таких же полных, подробных, блестяще исполненных трудов ни по одному европейскому языку, насколько нам известно, не существует. Подробность и тщательность воссоздания русской синтаксической системы в каждом случае – беспримерная. В них блестяще описывается синтаксис одного и того же языка, но совершенно по-разному, но в обоих случаях артистически красиво и изящно, последовательно, логично и просто, без какой бы то ни было терминологической суеты, обычно служащей прикрытием пустоты мысли. Каждый, кто вдруг заинтересуется каким-либо фактом русского синтаксиса или языковой иллюстрацией к этому факту, может с уверенностью обратиться к названным источникам, и он не будет разочарован: он найдёт то, что искал. Особенно – в «Синтаксисе» Шахматова. Энциклопедическая манера в подаче и анализе языковых фактов в согласии с их вписанностью в культуру – вот ещё одно из свойств русской исследовательской ментальности.

В том же ряду своё неповторимое место занимает и гениальный труд академика Виктора Владимировича Виноградова о морфологическом строе русского национального литературного языка «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» [17], удостоенный Советом Московского университета первой премии имени Ломоносова 7 мая 1945 г. и Правительством СССР – Сталинской премии в 1948 г. Это своего рода энциклопедия морфологии русского языка, в которой освещены все её тончайшие вопросы и проблемы на всём материале русского национального литературного языка, включая уникальные и редчайшие факты. Более того, при освещении соответствующих вопросов используется не только вся научная литература на русском языке, но и научная литература на многих иностранных языках, если они содержат хоть какие-то сведения, способствующие (в сопоставлении) более полному научному осмыслению, пусть и по аналогии, форм и категорий русского языка. Русский научный менталитет, в лучших своих проявлениях непременно включающий в себя разумный универсализм, развёрнут в нём блистательно и щедро. Подобными исследованиями могут быть отмечены редкие из великих языков мира.

Устремлённость к универсальности научных описаний, сопровождающаяся объективными обобщениями языковых данных в качестве фактов народной словесной и иной связанной с ней культуры, – такова ещё одна из глубинных ментально обусловленных этнокультурных доминант русских исследовательских поисков.

Анализ изучаемого в его исторической протяжённости и системной соотносённости, завершающийся масштабным синтезом, – вот эвристический путь, культивируемый русской наукой о языке. Научные традиции русского языкознания практически не предусматривают противоположного пути, на котором преимущественно строится европейская исследовательская традиция и который предполагает в основном *порождение* научного текста в виде дедуктивного монолога, сопровождаемого единичными иллюстрациями. Именно аналитически, идя от речевых альтернатив к языковым обобщениям, к языковой типизации впервые в мировой науке сформулировал понятие о фонеме профессор Казанского университета И.А. Бодуэн де Куртене в конце 70-х гг. XIX в. Несколько позже тем же путём и с использованием показаний двухсот языков мира была создана знаменитая фонологическая теория русского профессора Н.С. Трубецкого, ставшая одной из движущих сил всего языкознания XX столетия [18]. При этом заметим мимоходом, что Трубецкой – создатель современной фонологии неотделим от Трубецкого – индоевропеиста и Трубецкого-теоретика и крупнейшего деятеля евразийства. Таких примеров можно привести много, и все они будут свидетельствовать о том, что русские (российские, включая и советские) традиции изучения языков составляют одну из вершин мировой лингвистической мысли. Научный лингвистический текст русской ментальности легко узнаваем, как, впрочем, и европейский: это два типа принципиально по-разному строящихся текстов.

Тот же российский этноменталитет в плане подробности, тщательности и последовательности от фактов идущего анализа к мотивированным

обобщениям вполне прослеживается и в исследованиях иностранных языков, выполненных российскими учёными. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться, например, к работам академика Льва Владимировича Щербы по французской фонетике, академика Виктора Максимовича Жирмунского по немецкому языку и немецкой диалектологии, профессора Владимира Григорьевича Адмони по немецкому синтаксису, профессора Михаила Ивановича Стеблина-Каменского по скандинавским языкам, академика Игнатия Юлиановича Крачковского по арабистике и многих других.

Русское языкознание и вообще русская филология развивались вместе с университетской образовательной системой в России и СССР, одновременно развивая и совершенствуя эту систему, которая выстраивалась между прочим на высокой оценке интеллектуальных возможностей студента, гимназиста и школьника. Напомним, в частности, что такие классические труды по русскому языкознанию, как «Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского, «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» и «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» В.В. Виноградова, «Введение в языковедение» А.А. Реформатского были адресованы студентам. Определение содержания школьных программ по языку и литературе было делом авторитетных учёных, а не случайных околонаучных чиновников. Именно поэтому советское образование стало образцовым по своему содержанию и системности организации. В нынешнее время едва ли можно говорить об образовании как системно организованном деле в нашей стране. Школы и университеты, созданные с учётом в том числе и этнокультурной ментальности, а также потребностей страны, являющейся многонациональным государством, разрушены. Вместо возрождения выверенного опытом многих поколений качественного высшего и среднего образования иницируют какие-то «территории смыслов», которые соседствуют с чиновничьими конкурсами для людей разных возрастов. В современном российском обществе студент в качестве массового социального типа затерялся, как, впрочем, и рабочий. Нет сомнения, что настанет время, которое ответит на это отмщением.

Русская научная ментальность в её лучших проявлениях соприкасается с подвижничеством, абсолютно лишена конъюнктурности, карьерных устремлений и тяги к обеспеченной красивой жизни, тем более что наука никогда не была в нашей стране доходным местом. Владимир Иванович Даль, замечательный русский филолог, этнограф, фольклорист, работал над созданием своего знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» сорок девять лет (!) – с марта месяца 1819-го по 1864 г. Александр Фёдорович Гильфердинг, собиратель и издатель самой полной коллекции русских былин, подвижнически погиб в экспедиции по русским былинным местам в Вологодской области. Примером безусловного научного подвижничества является, например, упоминавшееся выше гениальное исследование В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», которое «представляет собой совершенно особое и уникальное явление: это единственный полный курс русской морфологии, в котором читатель находит

изложение новых идей, целостных оригинальных концепций по всем центральным проблемам русской грамматики. В этой книге поражает обилие свежего, живого материала, тонкость и полнота характеристик грамматической семантики слова» [19. С. 5]. Здесь в подтверждение сформулированного выше тезиса могут быть названы очень многие русские учёные XIX–XX вв.

В русской лингвистической науке грамматическое, лексическое или даже фонетическое исследование фактов языка в истории или в современном их состоянии, как правило, сопряжено с эстетическими оценками. Только такой подход обеспечивает полновесную характеристику слова, в природе которого социально предусмотрено не только то, *что* им обозначается, но и то, *как* это что-то обозначается. Поэтому русская исследовательская ментальность органично вбирает в себя и всё, что имеет отношение к функционально-стилистическим возможностям слова и грамматической формы. Уже в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755), в первой научной и нормативной грамматике русского языка, грамматические описания неотделимы от описаний стилистических, выполненных в противоположении высокого и низкого стилей. В российской лингвистической и филологической науке в разные периоды её истории создавались разные, но в любом случае вполне адекватно работающие и глубоко содержательные стилистические теории, начиная от Ломоносова и Карамзина и заканчивая Виноградовым, Щербой, Томашевским, Лихачёвым и многими другими. Была создана впервые в мире опирающаяся на стили теория литературного языка (Виноградов, Обнорский, Щерба, Якубинский и др.), теория художественной речи, восходящая к соответствующим научным идеям Потебни, теория языка художественной литературы [20], были созданы прекрасные исследования по стилистике и поэтике языка Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, писателей-декабристов, Чехова, Бунина и других гениев русской литературы. Очень многое из этого перечня было издано в советский период в истории страны и становилось эталоном общества, формируя прочный фундамент культуры. Всё это сделало Советский Союз величайшей державой филологической науки в мире.

СССР был не только самой читающей страной в мире, но и самой грамотной и образованной тоже. Столь разнообразно и плодотворно лингвистические исследования не проводились ни в одной стране. Лишь в некоторых случаях выполнялись в практике западных лингвистов близкие по исследовательской стратегии работы на материале европейских языков. В этом отношении, например, наиболее близки к некоторым русским языковедческим образцам работы Шарля Балли по стилистике и сопоставительно-стилистическому изучению немецкого и французского языков. В советское время (до 1985 г.) опубликовать свою научную статью в нашем академическом журнале «Вопросы языкознания» любой иностранный учёный считал честью для себя. В современной же России отечественные научные традиции и исследовательский менталитет унижены и обречены на исчезновение. Разве не парадоксально, что любую статью по русскому языку необходимо снабжать аннотацией на английском языке при том, что в странах английского языка

(в Англии и США) русский язык никогда не пользовался особым научным интересом? Более того, в этих странах научные лингвистические традиции никогда не были сколько-нибудь значительными и влиятельными. Для кого же российские исследователи русского языка пишут аннотации на английском языке? Для околонучных чиновников. В советское время людей воспитывали внимательными к чужим культурам и умеющими гордиться своей.

Как обстоят дела с наукой в современной России – это особая проблема, требующая особого же и отдельного обсуждения на самом высоком уровне. Если не предпринять кардинальных и срочных мер, она может тихо исчезнуть как вид деятельности.

Литература

1. Краткий латинско-русский словарь / под общ. ред. А.М. Малинина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1941.
2. Краткий русско-французский и французско-русский словарь / сост. О.Л. Долгополова, К.С. Выгодская. Изд. 3-е. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Итальянско-русский словарь. 7000 слов / сост. Ю.А. Добровольская. Изд. 3-е, стер. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965.
4. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / гл. ред. Г.Н. Складерская. СПб., 1998.
5. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Издательство «Русский язык», 1984.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Издательство «Прогресс», 1971.
8. *Колесов В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995.
9. *Савельева Л.В.* Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности // Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995. С. 25–44.
10. Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1995. 163 с.
11. *Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995.
12. *Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Изд. 2-е. М.: Издательство «Юрайт», 2019.
13. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. 2-е изд., испр. и доп. М., 1958.
14. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
15. *Тарланов З.К.* Научный метод, историко-сравнительный и сравнительно-типологический аспекты теории формы слова Ф.Ф. Фортунатова (к 90-летию со дня смерти) // Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова: сборник докладов Международной научно-практической конференции (13–16 сентября 2004 г. / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2004. С. 5–15.
16. *Милюков П.Н.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Современник, 1990.

17. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
18. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича. М., 1960. Впервые опубликовано на немецком языке в 1939 г.
19. *Шведова Н.* Грамматические труды академика Виктора Владимировича Виноградова // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
20. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.

MENTALITY AND LANGUAGE RESEARCH PRACTICE

Z.K. Tarlanov

*Northern Institute (branch), All-Russian State University of Justice
51 Onega Flotilla St., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185005,
Russian Federation*

Abstract. Based on the material of Russian linguistics, the article proves the thesis about the ethnomental conditionality of research activity in terms of its various components: by the nature, quality, volume of factual material, selection of methods and ways of research, by observing the principle of consistency and historical and cultural localization of observations and generalizations. Signs of scientific ethno-mentality are identified and considered on the example of research by a number of prominent figures of Russian science.

Keywords: mentality, Russian ethno-mentality, Russian philology, linguistics, happiness.